

**СЛОВО БЕЗ ЗНАЧЕНИЯ: МЕТОДИКА РАБОТЫ С
АСЕМАНТИЧНЫМИ СЕГМЕНТАМИ В ШКОЛЬНОМ И
ВУЗОВСКОМ КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА (ПРИНЦИП
МОРФЕМНОГО ЭХА И МЕТОДИКА СУБМОРФНОГО
КАРТИРОВАНИЯ)**

Абдурахманова Асалхон Бахтиёржон кизи

студентка Андижанского государственного института иностранных

языков

направление “Филология и обучение языкам: русский язык”

Научный руководитель: доцент АГИИЯ

Богданович Геннадий Александрович

Аннотация

Статья посвящена проблеме асемантических сегментов в морфемной структуре русского слова — интерфиксов, субморфов и тематических гласных. Рассматривается онтологическое противоречие между формальной вычленимостью данных элементов и отсутствием у них самостоятельного значения. На основе критического анализа существующих подходов (Е. А. Земская, В. Г. Чурганова, О. В. Кукушкина) обосновывается трёхуровневая модель анализа слова, включающая деривационный, морфемный и субморфный уровни. Впервые формулируется принцип морфемного эха — синхронный механизм формальной вычленимости субморфов, действующий через резонансное взаимодействие формально сходных сегментов в составе разных лексем. На базе этого принципа разработан метод субморфного картирования — инструмент визуализации формальной структуры слова, адаптированный для учебных целей. Предложена типология заданий, направленных на формирование навыка различения формального и смыслового членения.

Ключевые слова: морфемика, словообразование, асемантические сегменты, интерфикс, субморф, морфонология, принцип морфемного эха, субморфное картирование, формальное членение, смысловое членение, трёхуровневый анализ.

Annotatsiya

Maqola rus tili soʻzining morfemik tuzilishidagi asemantik segmentlar — interfikslar, submorflar va tematik unlilar muammosiga bagʻishlangan. Ushbu elementlarning formal ajratilishi va ularda mustaqil maʼnoning yoʻqligi oʻrtasidagi ontologik ziddiyat koʻrib chiqiladi. Mavjud yondashuvlarning (E. A. Zemskaya, V. G. Churganova, O. V. Kukushkina) tanqidiy tahlili asosida soʻz tahlilining derivatsion, morfemik va submorf darajalarini oʻz ichiga olgan uch darajali modeli asoslanadi. Birinchi marta turli leksemalar tarkibidagi formal oʻxshash segmentlarning rezonansli oʻzaro taʼsiri orqali amalga oshadigan submorflarning formal ajratilishining sinxron mexanizmi — morfemik aks-sado prinsipi shakllantiriladi. Ushbu prinsip asosida oʻquv maqsadlari uchun moslashtirilgan soʻzning formal tuzilishini vizuallashtirish vositasi — submorf xaritalash metodi ishlab chiqilgan. Soʻzning formal va maʼnoviy boʻlinishini farqlash koʻnikmasini shakllantirishga qaratilgan topshiriqlar tipologiyasi taklif etiladi.

Kalit soʻzlar: morfemika, soʻz yasalishi, asemantik segmentlar, interfiks, submorf, morfonologiya, morfemik aks-sado prinsipi, submorf xaritalash, formal boʻlinish, maʼnoviy boʻlinish, uch darajali tahlil.

Введение

Морфемный анализ в русистике традиционно опирается на двуединый критерий: элемент признаётся морфемой, если он обладает планом выражения (формальной вычленимостью) и планом содержания (лексическим, грамматическим или словообразовательным значением). Эта модель, восходящая к работам И. А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. Ф. Фортунатова, успешно

описывает регулярные словообразовательные типы, однако сталкивается с фундаментальной трудностью при обращении к периферийным зонам морфемной системы.

В структуре значительного числа русских слов обнаруживаются элементы, удовлетворяющие критерию формальной вычленимости, но не удовлетворяющие критерию значения. Таковы интерфиксы (*-в-* в *певец*, *-й-* в *кофейный*, *-ш-* в *киношный*, *-л-* в *жилец*), субморфы (*-ец* в *огурец*, *-ак* в *табак*, *-ок* в *чулок*, *-иц-* в *улица*) и тематические гласные глагольных основ (*-а-* в *читать*, *-е-* в *смотреть*, *-и-* в *любить*). Сам факт их существования ставит перед лингвистикой вопрос, не утративший остроты за полвека активных исследований: является ли значение обязательным свойством морфемы или формальная выделимость представляет собой автономный от семантики уровень организации слова?

Значимость этого вопроса выходит за пределы теоретической лингвистики. В практике преподавания русского языка — как школьного, так и вузовского — асемантические сегменты либо игнорируются, либо трактуются непоследовательно. Учащийся, встречая слово *огурец*, склонен либо вообще не выделять в нём никаких морфем, либо, напротив, приписывать финали *-ец* значение «маленькости» по аналогии с *зубец* или *столбец*. Обе стратегии ошибочны. Первая игнорирует объективную формальную членимость слова, вторая — приписывает несуществующее значение. В обоих случаях у учащегося формируется искажённое представление о морфемной структуре.

Цель настоящей работы — во-первых, дать системный лингвистический анализ асемантических сегментов и предложить непротиворечивый механизм их синхронной выделимости; во-вторых, на основе этого механизма разработать методический инструментарий для работы с асемантическими сегментами в учебном процессе.

Теоретические основания: обзор и критический анализ

Проблема «лишних» элементов осознавалась лингвистами на протяжении всего XX века. В. А. Богородицкий в «Общем курсе русской грамматики» (1935) писал о «звуковых наращениях», не имеющих значения, но выполняющих соединительную функцию. Г. О. Винокур в статье «Заметки по русскому словообразованию» (1946) обратил внимание на появление «пустых» элементов между корнем и суффиксом. Однако систематическое изучение началось лишь в 1960–1970-е годы.

Концепция интерфикса (Е. А. Земская)

Термин «интерфикс» был введён А. М. Сухотиным и детально разработан Е. А. Земской, которая определила его как «незначимую (асемантическую) прокладку, играющую в структуре слова чисто морфонологическую функцию: она устраняет скопление гласных или согласных на стыке морфем» [Земская, 1999, с. 302]. Примеры многочисленны: *пе-ть* → *пе-в-ец* (интерфикс *-в-*), *кофе* → *кофе-й-н-ый* (*-й-*), *кино* → *кино-ш-н-ый* (*-ш-*), *жи-ть* → *жи-л-ец* (*-л-*), *Америка* → *америк-ан-ск-ий* (*-ан-*).

Сильной стороной подхода Земской является функциональное объяснение: интерфикс нужен для устранения неблагозвучных или труднопроизносимых сочетаний. Слабой — неполная объяснительная сила применительно к случаям, где никакого «зияния» или «скопления» не наблюдается. Почему, например, в слове *певец* появляется *-в-*, а в слове *борец* — нет? Фонетически *пе-ец* и *бор-ец* одинаково допустимы. Более того, существуют пары типа *чита-ть* — *чита-тель* (без интерфикса) и *жи-ть* — *жи-л-ец* (с интерфиксом *-л-*). Очевидно, что одного морфонологического объяснения недостаточно.

Концепция субморфа (В. Г. Чурганова, О. В. Кукушкина)

Термин «субморф» был предложен В. Г. Чургановой в монографии «Очерк русской морфонологии» (1973) и определяется как «отрезок слова, по своему фонемному составу и позиции напоминающий морфему, но не имеющий значения» [Чурганова, 1973, с. 45]. В отличие от интерфикса, субморф выделяется не на стыке морфем, а в составе производной основы. При попытке отделить субморф оставшаяся часть не обладает значением: *огурец* — *огур-* не является значимой единицей, *табак* — *таб-* бессмысленно, *чулок* — *чул-* не существует.

Кукушкина О. В. развила эту концепцию, предложив трёхуровневую модель анализа: деривационный уровень (основа + формант), морфемный (минимальные значимые части) и субморфный (все формально вычленимые сегменты). Именно на субморфном уровне асемантические элементы получают статус «субморфов аффиксального типа», а корни производных слов — статус «субморфов корневого типа» (например, *буж-ен-ин-а*, где *буж-* — корневой субморф, а **-ен-** и **-ин-** — субморфы аффиксального типа).

Эта модель представляет собой наиболее разработанный на сегодняшний день подход к проблеме. Однако она оставляет открытым ключевой вопрос: почему носитель языка способен выделять субморфы в синхронии, без обращения к этимологии? Если *огур-* не имеет значения, то на каком основании мы вообще вычленим **-ец** как отдельный сегмент? Не является ли это вычленение исключительно плодом научной рефлексии лингвиста, не имеющим отношения к реальному языковому сознанию?

Недостаточность диахронического объяснения

Традиционный ответ на этот вопрос — диахронический. Асемантические сегменты суть «окаменелости», бывшие аффиксы, утратившие значение в результате опрощения и переразложения [Шанский, 1987, с. 78–82]. *Огурец* членится потому, что исторически **-ец** здесь — уменьшительный суффикс

(от греческого *angourion* через польское посредство). *Венец* членится потому, что *-ец* — бывший уменьшительный от утраченного *вень*. *Скрипка* — от *скрипъ* («скрип») с суффиксом *-к-*, который после деэтимологизации стал субморфом.

Это объяснение корректно, но методически неудовлетворительно. Носитель языка не хранит в сознании греческие и старославянские этимологии. Ребёнок, усваивающий язык, не знает истории слов. Тем не менее языковое сознание фиксирует формальную членимость — иначе невозможно объяснить существование таких явлений, как народная этимология или детское словотворчество, где субморфы «оживают» и начинают использоваться продуктивно (ср. детское *огурчик* вместо *огурчик* — по аналогии с *столбечик* от *столбец*).

Следовательно, должен существовать синхронный механизм, обеспечивающий формальную вычленимость субморфов без опоры на диахронию. Описанию этого механизма посвящён следующий раздел.

Принцип морфемного эха

В качестве объяснительного механизма синхронной вычленимости субморфов предлагается принцип морфемного эха. Суть его в следующем: формальная вычленимость сегмента в составе производной основы возникает не изолированно, а через резонансное взаимодействие с формально тождественными или сходными сегментами в составе других лексем, где эти сегменты являются полноценными морфемами. Субморф «отзывается» на морфему-образец, и именно этот резонанс создаёт эффект его выделимости.

Механизм резонанса

Рассмотрим слово *огурец*. Изолированно оно не членится: корень *огур-* не имеет ни самостоятельного значения, ни формальных аналогов. Однако в

языковом сознании носителя существует обширный класс слов с финалью *-ец*, где этот сегмент является полноценным суффиксом со значением «лицо / предмет по действию / признаку»: *борец* (от *бороться*), *певец* (от *петь*), *продавец* (от *продавать*), *молодец* (от *молодой*), *столбец* (от *столб*), *зубец* (от *зуб*). Когда носитель сталкивается со словом *огурец*, формальная финаль *-ец* автоматически вступает в резонанс с суффиксальным *-ец* из этих слов. Возникает эффект «узнавания формы» без узнавания значения — то, что и составляет суть субморфной выделяемости.

Аналогично: *табак* (финаль *-ак*) резонирует с *рыбак*, *дурак*, *чужак*, *бедняк* (суффикс *-ак-/-як-* со значением лица). *Чуллок* (финаль *-ок*) — с *грибок*, *листок*, *звонок*, *игрок* (суффикс *-ок-* с различными значениями). *Улица* (финаль *-иц-*) — с *красавица*, *мастерица*, *царица* (суффикс *-иц-* со значением женскости).

Принцип морфемного эха объясняет, почему одни непроеизводные слова членимы, а другие — нет. Слово *огурец* членимо, потому что финаль *-ец* имеет сильный резонансный фон в виде продуктивного суффикса. Слово *хлеб* не членимо, потому что финаль *-еб* не резонирует ни с одним суффиксом. Слово *баран* находится в промежуточном положении: финаль *-ан* отчасти резонирует с суффиксом *-ан-* в словах типа *великан*, *великан*, но этот резонанс слабее, чем у *-ец* или *-ак*.

Условия резонанса

Резонанс возникает при соблюдении трёх условий.

Первое — материальное тождество или близость. Сегмент-кандидат должен совпадать по фонемному составу с сегментом-образцом. Для *-ец* в *огурец* образцом служит суффикс *-ец* в *борец*, *певец* и т.д. Допустима

некоторая вариативность (например, *-ок-* может резонировать с *-ек-* и *-ик-* в определённых позициях), но она ограничена.

Второе — позиционное сходство. Сегмент-кандидат должен занимать ту же позицию в слове, что и сегмент-образец. Финаль *-ец* в *огурец* занимает позицию после корня и перед нулевым окончанием — ровно ту же позицию, что и суффикс *-ец* в *борец*. Если бы сегмент с тем же фонемным составом находился в другой позиции (например, в начале слова), резонанс был бы невозможен.

Третье — количественная представительность. Чем больше лексем содержит сегмент-образец в качестве полноценной морфемы, тем сильнее резонанс. Суффикс *-ец* представлен сотнями слов — резонанс максимален. Суффикс *-изн-* (*белизна, желтизна*) — единицами, поэтому финаль *-изн-* в слове *укоризна* (исторически содержащем суффикс *-изн-*, но утратившем производящее *укорь*) даёт более слабый резонанс.

Отличие от традиционного понятия «аналогии»

Принципиально важно разграничить принцип морфемного эха и традиционное понятие «аналогии». Аналогия — это активный процесс, при котором носитель по образцу одного языкового факта производит другой. Морфемное эхо — это пассивный, автоматический процесс распознавания формы, не требующий акта словопроизводства. Аналогия объясняет, как возникает новая форма (например, детское *огуречик* по аналогии с *столбечик*). Морфемное эхо объясняет, почему исходная форма (*огурец*) вообще воспринимается как членимая — потому что её финаль резонирует с готовым суффиксальным образцом. Это не операция, а состояние — состояние формальной напряжённости между вычленимостью и незначимостью.

Лингвистические следствия принципа

Из принципа морфемного эха вытекает несколько следствий, важных как для теории, так и для методики.

Во-первых, субморфная членимость градуальна. Чем сильнее резонансный фон, тем отчётливее выделяется субморф. Можно говорить о шкале субморфной выделяемости: на одном полюсе — сегменты с максимальным резонансом (*-ец*, *-ак*, *-ок*), на другом — сегменты с нулевым резонансом (нечленимые финали типа *-еб* в *хлеб*), между ними — промежуточные случаи (*-ан* в *баран*, *-уг-* в *радуга*).

Во-вторых, субморфная членимость динамична. При исчезновении слов, содержащих сегмент-образец, резонанс ослабевает. Так, утрата слов типа *вень* привела к тому, что *-ец* в *венец* перестал быть морфемой и стал субморфом, но резонанс с суффиксом *-ец* в других словах сохранил его формальную выделяемость. Если бы суффикс *-ец* исчез из языка полностью, *венец*, *огурец* и подобные слова перестали бы члениться.

В-третьих, субморфы могут «оживать» при усилении резонанса. Если в языке появляется новое слово с тем же сегментом в функции полноценной морфемы, субморф может начать переосмысляться. Этот механизм лежит в основе народной этимологии и некоторых типов языковой игры.

Трёхуровневая модель анализа: детальная разработка

С учётом принципа морфемного эха трёхуровневая модель, предложенная Кукушкиной, получает дополнительное обоснование и может быть детализирована.

Деривационный уровень

На деривационном уровне слово рассматривается как результат соединения производящей основы и форманта. Единицы этого уровня —

основа и формант. Анализ на этом уровне отвечает на вопрос: «От какого слова и с помощью какого средства образовано данное?»

Для *певец* ответ: от *петь* с помощью суффикса *-ец*. Интерфикс *-в-* на этом уровне не имеет статуса самостоятельной единицы — он рассматривается как морфонологическое средство, сопровождающее соединение основы и форманта. Для *огурец* деривационный анализ невозможен, поскольку слово непроизводно.

Морфемный уровень

На морфемном уровне выделяются минимальные значимые части слова. Единицы — корень, приставка, суффикс, окончание, постфикс. Анализ отвечает на вопрос: «Какие части слова имеют значение?»

Для *певец* морфемный состав: корень *пе-*, суффикс *-ец*. Интерфикс *-в-* на этом уровне «повисает» — он формально вычленим, но не значим. Традиционная школьная грамматика решает проблему, присоединяя интерфикс к суффиксу (получая «составной суффикс» *-вец*) или к корню (*пев-*). Оба решения являются паллиативными: в первом случае мы получаем суффикс, который не встречается ни в одном другом слове, во втором — затемняем связь с однокоренным *петь*.

Для *огурец* морфемный анализ в строгом смысле невозможен: слово непроизводно, корень и аффиксы не выделяются.

Субморфный уровень

На субморфном уровне выделяются все сегменты, обладающие формальной вычленимостью, независимо от наличия значения. Единицы — субморфы корневого типа и субморфы аффиксального типа.

Для *певец* субморфный состав: корневой субморф *пе-*, аффиксальный субморф *-в-*, аффиксальный субморф *-ец*.

Для *огурец*: корневой субморф *огур-*, аффиксальный субморф *-ец*. Выделимость *-ец* обеспечивается принципом морфемного эха (резонанс с суффиксом *-ец* в *борец*, *певец*, *продавец* и т.д.). Корень *огур-* также является субморфом — он формально выделим именно потому, что от него «отсечён» выделяемый финальный сегмент.

Для *буженина*: корневые субморфы *буж-*, *-ен-*, *-ин-* и аффиксальный субморф *-а* (окончание). Здесь интересен случай «трёхкомпонентного корня»: два последних сегмента по форме совпадают с суффиксами (*-ен-* как в *вар-ен-ый*, *-ин-* как в *звер-ин-ый*), резонируют с ними, но в составе данного слова значения не имеют.

Сопоставительная таблица

<i>Слово</i>	<i>Деривационный анализ</i>	<i>Морфемный анализ</i>	<i>Субморфный анализ</i>
певец	от петь + -ец	корень пе-, суффикс -ец-	пе- + -в- + -ец
огурец	непроизводно	не членится	огур- + -ец
буженина	от бужен - ин(а)	булсен- + -ин- + -а	буж- + -ен- + - ин- + -а
кофейный	от кофе + -	корень кофе-,	кофе- + -й- + -

	н(ый)	суффикс -н-	н(ый)
чулок	непроизводно	не членится	чул- + -ок

Метод субморфного картирования

На основе трёхуровневой модели и принципа морфемного эха предлагается метод субморфного картирования — инструмент визуализации формальной структуры слова, адаптированный для учебных целей.

Суть метода

Субморфное картирование — это графическое представление слова, в котором отображаются все уровни его членения одновременно. В отличие от традиционного морфемного разбора (где части слова подчёркиваются или выделяются скобками), карта отражает:

- разными цветами или ярусами — разные уровни членения;
- сплошной линией — границы значимых морфем;
- пунктирной линией — границы субморфов;
- стрелками — резонансные связи между субморфом и его морфемой-образцом в другом слове.

Пример карты для слова «певец»

На карте изображаются три яруса.

Верхний ярус (деривационный): основа *пе-* и формант *-ец* — граница между ними обозначается сплошной линией.

Средний ярус (морфемный): корень *пе-* и суффикс *-ец* — сплошные линии. Интерфикс *-в-* находится между ними и обведён пунктиром.

Нижний ярус (субморфный): *пе-*, *-в-*, *-ец* — все границы пунктирные.

От сегмента *-ец* проводится стрелка к слову-образцу (например, *борец*), откуда этот суффикс получает резонансную поддержку.

Пример карты для слова «огурец»

Верхний ярус (деривационный): отсутствует (слово непроизводно).

Средний ярус (морфемный): отсутствует (значимые части не выделяются).

Нижний ярус (субморфный): *огур-* и *-ец* разделены пунктиром. От *-ец* — стрелка к *борец*, *певец* и другим словам с суффиксом *-ец*. От *огур-* — отсутствие стрелок (корневой субморф не имеет морфемы-образца, он выделяется «остаточно», после отделения финального субморфа).

Дидактическая ценность метода

Метод субморфного картирования решает несколько методических задач.

Во-первых, он позволяет визуализировать различие между значимостью и выделимостью — то, что при традиционном разборе остаётся на уровне абстрактного объяснения.

Во-вторых, стрелки к словам-образцам делают наглядным механизм резонанса: учащийся не просто слышит, что *-ец* в *огурец* «похож на суффикс», а видит, с какими именно словами он схож.

В-третьих, картирование формирует привычку к многоуровневому анализу: слово перестаёт восприниматься как «плоская» последовательность морфем и предстаёт как сложная, иерархически организованная структура.

В-четвёртых, метод создаёт мотивацию: построение карты — это исследовательская, а не репродуктивная деятельность. Учащийся не заучивает правильный ответ, а открывает структуру.

Типология заданий на основе субморфного картирования

На основе описанного метода предлагается система заданий, выстроенная по принципу возрастающей сложности.

Задания на опознание резонансных связей (базовый уровень)

Учащемуся предлагается слово с субморфом и список потенциальных слов-образцов. Задача: определить, с каким суффиксом резонирует субморф, и объяснить, почему выбран именно этот образец.

Пример: для слова *табак* даны слова *рыбак*, *дурак*, *чужак*, *пятак*, *батрак*. Учащийся должен указать, что *-ак* в *табак* резонирует с суффиксом *-ак-* в словах, называющих лицо (*рыбак*, *дурак*, *чужак*), и что *пятак* и *батрак* содержат тот же сегмент, но в составе корня, поэтому резонанс слабее.

Задания на построение карты (средний уровень)

Учащийся получает слово и самостоятельно строит его субморфную карту: определяет деривационный состав (если слово производно), морфемный состав, субморфный состав и резонансные связи.

Примеры слов: *кофейный*, *жилец*, *американский*, *сыновья*, *пальцецо* (окказиональное, от *пальто*).

Задания на различение морфемы и субморфа (продвинутый уровень)

Учащемуся предлагаются пары слов, содержащих формально тождественный сегмент. В одном слове он является морфемой, в другом —

субморфом. Задача: определить статус сегмента в каждом случае, используя критерии значения, мотивированности и резонансной поддержки.

Примеры пар: *зубец* — *огурец*, *рыбак* — *табак*, *грибок* — *чулок*, *красавица* — *улица*, *певец* — *венец*.

Исследовательские задания (высокий уровень)

Учащийся получает слово со спорным или неочевидным членением и должен провести самостоятельное мини-исследование: найти слова-образцы, оценить силу резонанса, построить карту, аргументировать предлагаемое членение.

Примеры слов: *радуга* (членится ли на *рад-* и **-уг-** с резонансом от **-уг-** в *белуга?*), *скрипка* (субморф **-к-**?), *укоризна* (субморф **-изн-**?).

Диахронические задания

С использованием этимологического словаря учащийся сопоставляет синхронную субморфную карту с историческим морфемным членением. Задача: определить, является ли субморф бывшей морфемой, и если да — какой именно.

Пример: для *венец* этимологический анализ показывает, что **-ец** — бывший уменьшительный суффикс от *вень*. Синхронный анализ — субморф, резонирующий с суффиксом **-ец** из *борец*, *певец*. Сопоставление показывает, что принцип морфемного эха «консервирует» историческую членимость даже после утраты производящего.

Проведённый анализ показывает, что асемантические сегменты не являются периферийной аномалией — это органичная и неотъемлемая часть морфемной системы русского языка, демонстрирующая относительную автономию формальной организации слова от его семантической структуры.

Предложенный в статье принцип морфемного эха даёт синхронное объяснение механизму формальной вычленимости субморфов: сегмент выделяется не потому, что имеет значение, а потому, что резонирует с формально тождественным сегментом в составе других лексем, где тот является полноценной морфемой. Этот принцип снимает противоречие между интуитивно ощущаемой членимостью слов типа *огурец* и отсутствием у них производящей основы в современном языке.

На базе принципа морфемного эха разработан метод субморфного картирования — инструмент визуализации формальной структуры слова, позволяющий учащимся наглядно представить различие между значимостью и выделимостью, а также увидеть сетевые связи между лексемами, формирующие резонансный фон.

Трёхуровневая модель анализа, дополненная принципом морфемного эха и методом субморфного картирования, образует целостную лингвометодическую концепцию, которая может быть положена в основу изучения морфемики в профильных классах и вузовских курсах.

Перспективы исследования связаны с верификацией принципа морфемного эха психолингвистическими методами (экспериментальное изучение восприятия субморфов носителями) и с созданием полного субморфного словаря русского языка, в котором для каждого субморфа будут указаны его резонансные связи.

Литература

1. Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. — М.: Учпедгиз, 1959. — С. 419–442.

2. Земская Е. А. Словообразование // Современный русский язык: учебник для вузов / под ред. В. А. Белошапковой. — 3-е изд. — М.: Высшая школа, 1999. — С. 285–373.
3. Кукушкина О. В. Незначимые компоненты в структуре русского слова: взгляд с позиции морфонологии // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. — 2008. — № 5. — С. 7–19.
4. Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика: проблемы и принципы описания. — М.: Наука, 1977. — 315 с.
5. Немченко В. Н. Современный русский язык. Морфемика и словообразование: учебник. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1998. — 278 с.
6. Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. — М.: Наука, 1980. — Т. 1. — 783 с.
7. Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь русского языка. — М.: АСТ: Астрель, 2002. — 704 с.
8. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. — М.: Русский язык, 1985.
9. Чурганова В. Г. Очерк русской морфонологии. — М.: Наука, 1973. — 239 с.
10. Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык. Ч. 2: Словообразование. Морфология. — М.: Просвещение, 1987. — 256 с.